

Джек Лондон

Жена короля

Джек Лондон

Жена короля

Серия «Сын Волка»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6696027

Аннотация

«В старину, когда Север был еще молод, социальные и гражданские добродетели были немногочисленны и весьма просты. Когда бремя домашних забот становилось слишком тягостным и тихая грусть у камелька превращалась в непрерывный протест против мрачного одиночества, южные искатели приключений, за неимением лучшего, платили установленную цену и взамен получали туземных жен. Для женщин это было как бы предвкушением царствия небесного, так как – надо отдать справедливость белым проходимцам – они лучше обращались с женами и больше заботились о них, чем их краснокожие соперники. Белые, конечно, тоже были довольны такого рода сделкой; радовались и индейцы. Продав своих дочерей и сестер за шерстяные одеяла и устаревшие ружья, променяв свои теплые меха на тонкий коленкор и дрянной виски, дети природы скоро и беззаботно умирали от истощения и иных заболеваний, связанных с благодатью высшей цивилизации...»

Содержание

Джек Лондон

Жена короля

* * *

I

В старину, когда Север был еще молод, социальные и гражданские добродетели были немногочисленны и весьма просты. Когда бремя домашних забот становилось слишком тягостным и тихая грусть у камелька превращалась в непрерывный протест против мрачного одиночества, южные искатели приключений, за неимением лучшего, платили установленную цену и взамен получали туземных жен. Для женщин это было как бы предвкушением царствия небесного, так как – надо отдать справедливость белым проходимцам – они лучше обращались с женами и больше заботились о них, чем их краснокожие соперники. Белые, конечно, тоже были довольны такого рода сделкой; радовались и индейцы. Продав своих дочерей и сестер за шерстяные одеяла и устаревшие ружья, променяв свои теплые меха на тонкий коленкор и дрянной виски, дети природы скоро и беззаботно умирали от истощения и иных заболеваний, связанных с благодатью

высшей цивилизации.

Во дни этой аркадской простоты Кол Галбрет странствовал по тем местам и заболел на низовьях реки. Это было освежающим событием в жизни добрых сестер Святого Креста, которые дали ему убежище и лекарство, хотя им и не снилось, какой горячий эликсир вливается в его жилы от прикосновения их мягких рук и от нежного ухода. Кола Галбрета стали волновать странные мысли, не покидавшие его, пока он не остановил своих взоров на Медилайн, одной из барышень Миссии. Однако он ничем не выдавал себя и терпеливо выжидал удобный момент. С наступлением весны он окреп, и, когда солнце пустилось в небесах по золотому кругу, а по всей стране расплескалась радость и забилась жизнь, он напряг свое еще слабое тело и уехал.

Медилайн – барышня в Миссии – была сиротой. Ее белый отец однажды не уступил дороги серому медведю и незамедлительно умер. Тогда мать ее, индианка, за неимением мужчины, который бы наполнил ее кладовую на зиму, пустилась на рискованный эксперимент и решила переждать до движения лососей с пятьюдесятью фунтами муки и двадцатью пятью солонины. Вскоре маленькая Чук-Ра появилась на свет с помощью добрых сестер и должна была впоследствии носить другое имя.

Но у Медилайн все же еще были родные, ближайшим из коих считался забулдыга-дядя, разрушавший свои жизненные силы непомерным количеством привезенного белыми

людьми виски. Каждый день он пытался вознестись в обитель богов, и, сообразно этому, ноги его искали кратчайшего пути к могиле. В трезвом виде он испытывал ужасные муки. Совести у него не было. Вот к этому-то престарелому прощелыге и явился Кол Галбрет с официальным визитом, и в последовавшем затем разговоре они извели много слов и много табаку. Были произнесены взаимные обещания, и в результате старый язычник захватил несколько фунтов сухой лососины, сел в свое каноэ из березовой коры и поплыл по направлению к Миссии Святого Креста.

Свету не дано знать, какие обещания он дал и что именно он наврал (сестры ведь никогда не сплетничают), но, когда он возвращался, на его черноватой груди висело медное распятие, а в каноэ сидела его племянница Медилайн. В ту же ночь была отпразднована пышная свадьба и потлач, так что в следующие два дня никто в деревне не ловил рыбы. Но уже наутро после свадьбы Медилайн отрясла с мокасин своих прах низовьев реки и вместе со своим супругом, отпихиваясь баграми, перебралась на жительство к верховьям, в местность, именуемую Лоуэр-Коунтри. И во все последующие годы она была хорошей женой, делила с мужем все тяготы и варила ему пищу. Она не позволяла ему сбиться с пути, пока он не научился копить золотой песок и упорно работать. Наконец он разбогател и построил барак в Сёркле; и так велико было его счастье, что люди, навещавшие его в семейном кругу, сильно ему завидовали.

Но Север начинал входить в возраст, и появились прелести цивилизации. До сих пор Юг посылал только своих сыновей, теперь же он изрыгнул новое нашествие – дочерей. Они не были ни сестрами, ни женами, но им удалось вбить мужчинам в головы новые идеи и наладить строй всей жизни согласно своим собственным привычкам. Туземные женщины уже не сходились для плясок, не кружились с шумом по центральной площади в добром старом Вирджиниариле и не наслаждались веселым «Дэн Тэккером». Они снова впали в свой национальный стоицизм и жалобно наблюдали из барачков за нравами белых сестер.

Затем новое нашествие последовало через горы с плодородного Юга. На этот раз появились женщины, получившие большую власть в стране. Слово их было законом, а закон их был стальным. Они сурово относились к женам-туземкам, в то время как первые пришельцы смягчились и вели себя тихо. Нашлись трусы, которые устыдились своего сожительства с дочерьми этой страны и стали глядеть с отвращением на своих темнокожих детей; но были и другие – были мужчины, которые остались верными и гордились своими туземными браками. Когда вошло в обычай разводиться с женами-туземками, Кол Галбрет сохранил свое мужское достоинство и за это почувствовал на себе тяжелую руку женщин, позже всех пришедших, меньше всех знавших, но управлявших страной.

В один прекрасный день Эппер-Коунтри, которая лежит

много выше Сёркла, была объявлена богатой местностью. Собачьи упряжки возвестили об этом Соленым Водам. Нагруженные золотом суда повезли приманку по Тихому океану; кабели и провода пели об этом; и мир впервые услышал про реку Клондайк и побережья Юкона.

Кол Галбрет спокойно жил все эти годы. Он был для Медилайн хорошим мужем, и она принесла ему благословение. Но затем им овладело какое-то недовольство. Он испытывал смутную тоску по людям своего племени, по жизни, из которой был исключен, неопределенное, порой охватывающее человека желание порвать со всем и снова вкусить зарю жизни. А между тем вниз по реке шли дикие слухи о чудесном Эльдорадо, яркие описания города, палаток и землянок и комические рассказы про разных че-ча-квас'ов, прибывавших массаами и ставивших вехи по всей стране. Сёркл вымер. Все ушли вверх по реке и образовали новый и удивительный мир.

Кол Галбрет в конце концов тоже забеспокоился и пожелал убедиться собственными глазами. Поэтому после промывки он отвесил на больших весах Компании две сотни фунтов песку и взял чек на Доусон. Затем он поручил надзор за своим рудником Тому Диксону, поцеловал на прощание Медилайн, обещал вернуться до первого ледохода и взял билет на пароход.

Медилайн ждала, прождала все три месяца, пока светило

солнце. Она кормила собак, уделяла много времени маленькому Колу, смотрела, как умирало короткое лето и как солнце пустилось в свой далекий путь к Югу. Она много молилась, по обычаю сестер Святого Креста. Темные дни наступили, а с ними появилась и ледяная кора на Юконе, и короли Сёркла возвращались на зимнюю работу в рудниках, но Кола Галбрета не было. Правда, Том Диксон получил письмо: его люди привезли ей на санках новый запас сухой сосны на зиму. И Компания получила письмо, ибо собачьи упряжки привезли для кладовых Медилайн самую лучшую провизию, причем Компания уведомила, что ее кредит неограничен.

Во все времена мужчина считался главной причиной женских страданий. Мужчины держали язык за зубами, поругивая лишь одного из своих отсутствующих собратьев; что же касается женщин, они не думали им в этом подражать. Поэтому Медилайн без излишних проволочек услышала странные вести о похождениях Кола Галбрета и, между прочим, о некоей греческой танцовщице, которая будто бы играет с людьми, как дети с куклами. Медилайн же была индианкой, и у нее не было ни одной подруги, у которой бы она могла спросить разумного совета. Она поочередно то молилась, то строила какие-то планы. Но однажды ночью она решилась, запрягла собак и, крепко привязав к саням маленького Кола, тайком выбралась из города.

Хотя Юкон еще не был закован, однако береговой лед все нарастал, и с каждым днем река все больше превращалась

в мутный ручеек. Только тот, кто сам это проделал, может знать, что вынесла Медилайн во время перехода в сто миль по береговому льду; никто другой не поймет тех трудностей и мучений, с какими она преодолела еще двести миль по крепкому льду, образовавшемуся после того, как река замерзла по-настоящему. Но Медилайн была индианкой, со всем этим она справилась, и вот однажды вечером раздался стук в дверь Мэйлмюта Кида. Кид накормил свору изголодавшихся собак, уложил спать здорового мальчугана и затем обратил свое внимание на истомленную женщину. Стягивая с нее обледенелые мокасины, он слушал ее рассказ и показывал острием ножа ее ноги, чтобы узнать, до какой степени они отморожены.

Несмотря на исключительную мужественность Мэйлмюта Кида, душа его была мягка и женственна; благодаря этому он мог завоевать доверие рычащего волкодава либо исторгнуть исповедь из самого холодного сердца. Но не он этого искал. Сердца сами раскрывались перед ним, как цветы перед солнцем. Известно было, что сам отец Рубо исповедовался ему, а мужчины и женщины Северной земли непрерывно стучались к нему в дверь – в дверь, у которой щеколда никогда не закладывалась. По мнению Медилайн, он не мог поступить неправильно или ошибиться. Она знала его с того самого времени, как связала свою судьбу с народом своего отца, и ее полудикому уму представлялось, что в нем сосредоточилась мудрость всех веков, что между его прозорливостью

и будущим не могло быть преграждающей завесы.

Вся страна жила ложными идеалами. Общественное мнение Доусона не совпадало с воззрениями более ранней эпохи, и быстрый расцвет Севера таил в себе много нехорошего. Мэйлмют Кид видел это и знал насквозь Кола Галбрета. Он знал также, что поспешность – мать всех зол, а кроме того, собирался дать хороший урок и пристыдить этого человека. Поэтому в ближайший вечер были призваны на совет Стэнли Принс, молодой рудничный эксперт, и Джек Харрингтон Счастливый со своей скрипкой. В ту же ночь Беттлз, который многим был обязан Мэйлмюту Киду, запряг собак Кола Галбрета, привязал к санкам Кола Галбрета-младшего и канул в темноту, направляясь к реке Стюарт.

II

– Так! Раз-два-три, раз-два-три. Теперь обратно. Нет, нет! Начинай снова, Джек. Смотрите – вот так!

Принс показывал па, как человек, способный руководить котильоном¹.

– Итак: раз-два-три, раз-два-три. Назад! Аиа! Вот так уже лучше. Попробуйте снова. Знаете, вы не должны глядеть себе под ноги. Раз-два-три, раз-два-три. Шаги помельче! Ведь вы не идете с шестом за собаками! Повторите еще раз. Вот

---

¹ *Котильон* – старинный танец. Состоит из кадрили, между фигурами которой вставляют другие танцы: мазурка, вальс, полька.

так! Так и надо. Раз-два-три, раз-два-три.

Принс и Медилайн кружились и кружились в нескончаемом вальсе. Стол и стулья были отодвинуты к стене, чтобы увеличить пространство. Мэйлмют Кид сидел на скамье, подперев коленями подбородок, и с большим интересом наблюдал. Подле него сидел Джек Харрингтон, пикировал на скрипке и следил за танцорами. Это обучение тремя мужчинами одной женщины создавало единственную в своем роде ситуацию. Самой патетической чертой обучения был, без сомнения, тот деловой вид, с которым они его выполняли. Ни одного атлета для поединка, ни одну овчарку для запряжки не тренировали так упорно, как ее. Но они работали с хорошим материалом, ибо Медилайн, в противоположность большинству женщин своей расы, не приходилось в детстве носить большие тяжести и работать на снежных тропах. Вдобавок она была хорошо сложена и стройна, как ива, и обладала большой грацией, которой до сих пор никто не замечал. Вот эту-то грацию трое мужчин и старались подчеркнуть и оформить.

— Беда в том, что ее учили танцевать шиворот-навыворот, — бросил Принс сидящим на скамье, после того как усадил на стол свою запыхавшуюся ученицу. — Она быстро усваивает, но все-таки я мог бы достигнуть большего, если бы она никогда в жизни не протанцевала ни одного па. Но объясни мне, Кид: я не могу понять вот этого...

Принс повторил своеобразное движение плеч и головы,

которое портило походку Медилайн.

– Ее счастье, что она была воспитана в Миссии, – отвечал Мэйлмют Кид. – Нагрузка, знаешь... и таскание тяжестей на голове... Другим индианкам тяжело приходится. Но она не ходила под ношей, пока не вышла замуж, да и тогда только в первое время. Видела и она плохие времена с этим своим супругом, они вместе пережили голод на Сороковой Миле.

– Сумеет ли мы эту привычку вытравить?

– Не знаю. Быть может, помогут продолжительные прогулки с тренерами. Во всяком случае, чего-нибудь можно будет достигнуть, не правда ли, Медилайн?

Она утвердительно кивнула головой. Если Мэйлмют Кид, который все знает, говорит это, – значит, так и есть. Это было все, что она знала.

Она подошла к ним, горя желанием начать снова. Харрингтон осматривал ее так внимательно, словно лошадь на ярмарке. По-видимому, зрелище было не безнадежно, ибо он спросил, внезапно заинтересованный:

– Что же получил этот ваш оборвыш-дядя?

– Одно ружье, одно одеяло, двадцать бутылок хуча. Ружье поломанное. – Она произнесла это с досадой, как будто ей было обидно, что ее девичество было так низко оценено.

Она хорошо говорила по-английски, подражая в говоре своему мужу, но все же чувствовался индейский акцент – злоупотребление странными гортанными звуками. Ее инструкторы взялись даже за исправление этого недостатка, и

не без успеха.

Скоро Принс обнаружил новое обстоятельство.

– Говорю тебе, Кид, – сказал он, – она не может выучиться танцевать в мокалинах. Наденьте ей на ноги туфли, а тогда – с Богом на паркет... Фью!

Медилайн подняла ногу и с сомнением оглядела свой бесформенный мокасин домашней работы. В прежние зимы, как в Сёркле, так и на Сороковой Миле, она не одну ночь протанцевала в такой обуви, и тогда это не возбуждало никаких нареканий. Но теперь... теперь если что-нибудь было не так, об этом должен был знать Мэйлмют Кид, а не она.

А Мэйлмют Кид действительно знал и, кроме того, обладал верным взглядом. Поэтому он надел фуражку и варежки и спустился с холма, чтобы нанести визит мистрис Эпинуэлл. Ее муж Клов Эпинуэлл – крупный государственный чиновник – считался важным лицом в городе. Однажды, на губернаторском балу, Кид обратил внимание на ее стройную маленькую ножку. Зная, что она столь же умна, как и красива, он не затруднился попросить ее о небольшом одолжении.

После его возвращения Медилайн на несколько минут исчезла в смежной комнате. Когда она появилась вновь, Принс был ошеломлен.

– Клянусь Юпитером! – пролепетал он. – Кто бы мог подумать. Маленькая волшебница! Однако, сестрица...

– Английская женщина, – прервал его Мэйлмют Кид, – с английской ножкой. Эта девушка происходит от расы с ма-

ленькими ступнями. Мокасины только расширили ее ноги, но она не обезобразила их в детстве беготней за собаками.

Но это объяснение не сумело унять восторгов Принса. Коммерческий инстинкт Харрингтона был задет за живое, и, глядя на очаровательную форму ступни и сгиба, он мысленно повторял возмутительный список: «Одно ружье, одно одеяло, двадцать бутылок хуча».

Медилайн была женой короля – короля, на чьи желтые соколовища можно было купить два десятка разодетых по моде кукол. И все же ее ноги никогда не знали другой обуви, кроме красной дубленой оленьей кожи. Сначала она с опаской оглядывала изящные туфельки из белого шелка, но она быстро поняла чисто мужское восхищение, какое светилось в глазах у мужчин. Лицо ее озарилось гордостью: на одно мгновение она была опьянена своим женским очарованием, но затем она пробормотала с возрастающим презрением:

– А ружье поломанное...

Тренировка продолжалась. Ежедневно Мэйлмют Кид уво-дил ее гулять, чтобы исправить походку и укоротить шаг. Узнать ее едва ли могли, ибо Кол Галбрет и остальные старожилы были словно затерянные дети в толпе чужаков, наводнивших страну... А кроме того, у северного мороза острое жало, и нежные южные женщины, для защиты своих щек от его поцелуев, предпочитали носить парусиновые маски. С закрытым лицом и телом, укутанным в беличью парку, мать и дочь могли бы встретиться на узкой тропинке и друг друга

не узнать.

Учение подвигалось вперед. Вначале медленно, но затем неожиданно пошло быстрее. Началось это с того момента, когда Медилайн примерила белые шелковые туфли и, так сказать, обрела самое себя. В это мгновение она впервые стала гордиться своим ренегатом-отцом, независимо от того чувства достоинства, какое могло у нее быть. До сих пор она считала себя женщиной-чужеземкой низшей породы, взысканной милостями своего повелителя. Муж казался ей богом, который вознес ее, без всяких особых заслуг с ее стороны, на свою божественную высоту. Но она никогда не забывала (даже после рождения маленького Кола), что она не принадлежит к его народу. Подобно тому, как он был богом, женщины его племени были богинями. Она могла себя им противопоставлять, но никогда с ними себя не сравнивала. Быть может, близкое знакомство рождает презрение. Как бы то ни было, она наконец поняла этих непоседливых белых людей и взвесила их на правильных весах. Конечно, сознательно проанализировать она не могла, но все же в таких вопросах обладала чисто женской чуткостью. В тот вечер – с туфлями – она оценила внезапное, откровенное восхищение своих трех друзей; и впервые в жизни сравнение напрашивалось само собой. Речь шла, правда, только о ступне и сгибе, но... но сравнение, естественно, не могло остановиться на этом пункте. Она судила о себе по мерке своих белых сестер, пока их божественность не оказалась поколебленной. В

конце концов ведь они были только женщинами. Так почему же ей не подняться до их уровня? При этом она узнала, чего ей недостает, и из сознания своих слабостей выросла ее сила. Так упорно добивалась она своего, что ее три учителя часто до глубокой ночи удивлялись вечной тайне женственности.

Между тем приближались Святки. Через неровные промежутки времени Беттлз посылал с реки Стюарт вести о здоровье маленького Кола. Скоро они должны были уже вернуться. Не раз случайный посетитель, услышав плясовую музыку и ритмическое притоптывание, входил в дом, но заставал только пиликающего Харрингтона и остальных двух друзей, отбивающих такт или шумно спорящих из-за спорного па. Мединлайн никто никогда не видел, так как она вихрем убегала в смежную комнату.

В один из таких вечеров Кол Галбрет ввалился в дом.

Только что пришли утешительные вести с реки Стюарт, и Мединлайн превзошла самое себя не только в отношении походки, движений и грации, но и в женском лукавстве. Они затеяли остроумную словесную дуэль, и она блестяще защищалась; затем, поддаваясь временному опьянению своей силой, она кокетничала с ними, покоряла и увлекала. И инстинктивно они преклонились не перед ее красотой, умом или остроумием, а перед чем-то невыразимо женственным, чему мужчина покоряется, но чего он не умеет назвать. Комната сотрясалась от смеха и топота, когда они с Принсом кружились; Харрингтон выводил самые невероятные фиориту-

ры, в то время как Мэйлмют Кид, окончательно предоставленный самому себе, ухватил метлу и предавался безумному круговращению на свой риск и страх.

В этот момент дверь затряслась от сильного стука, и их быстрые взгляды заметили отодвигание засова. Но они уже пережили немало таких случаев. Харрингтон не оборвал ни одной ноты. Медилайн стрелой вылетела через открытую дверь во внутреннюю комнату.

Метла с шумом полетела под лавку; и в тот самый момент, когда Кол Галбрет и Луи Савой просунули свои головы в дверь, Мэйлмют Кид и Принс, обнявшись, кружились по всей комнате в диком шотландском вальсе.

Вообще говоря, индейские женщины не имеют привычки падать в обморок, но Медилайн была теперь ближе к обмороку, чем когда-либо в жизни. Целый час она просидела, сгорбившись, на полу, слушая тяжелые голоса мужчин, то нараставшие, то ниспадавшие, словно гром. Как знакомые ноты слышанных в детстве мелодий, струились ей в душу все переливы голоса мужа, волнуя сердце и заставляя колени дрожать, пока она в полуобморочном состоянии не прислонилась к двери. Хорошо, что она не видела и не слышала его ухода.

– Когда думаете вы вернуться в Сёркл? – просто спросил Мэйлмют Кид.

– Я еще мало думал об этом, – отвечал тот. – Полагаю, что не раньше ледохода.

– А Медилайн?

При этом вопросе Кол покраснел и быстро опустил глаза. Мэйлмют Кид мог бы почувствовать к нему презрение, если бы меньше знал людей. Но теперь в нем все возмущалось против жен и дочерей, которые явились в эту землю и, не довольствуясь тем, что узурпировали места туземок, вселили нечистые помыслы в головы мужчин и покрывали их позором.

– Я думаю, что ей хорошо живется, – поспешно отвечал король из Сёркла и добавил, как бы извиняясь: – Я, знаете, поручил охрану своих интересов Тому Диксону, и он следит за тем, чтобы она получала все, что ей нужно.

Мэйлмют Кид положил свою ладонь на его руку и внезапно прервал его речь. Они вышли из дому. Над их головами северное сияние с пышной расточительностью щегиляло своими изумительными красками. У ног их расстилался сонный город. Где-то далеко собака подала одинокий голос. Король опять заговорил, но Кид сжал его руку, приглашая к молчанию. Звуки умножились. Одна за другой, собаки подхватывали лай, и, наконец, многоголосый хор заполнил ночной воздух. Тому, кто впервые слышит эту колдовскую песню, – впервые открывается величайшая тайна Севера. Для того же, кто слышал ее, она звучит, как торжественный погребальный звон над потраченными усилиями. В ней – плач истязаемых душ, ибо в нее внедрилось наследие Севера, страдание неисчислимых поколений, напоминание жи-

вым и реквием по заблудшим овцам человечества.

Кол Галбрет слегка вздрогнул, когда лай стал замирать, переходя в полуподавленные всхлипывания. Кид ясно читал его мысли и вместе с ним переживал все тяжелые дни невзгод и голодовок; и с ним же была терпеливая Медилайн, разделявшая страдания и опасности, никогда не отчаиваясь, никогда не жалуясь. Сетчатка его ума трепетала от целой вереницы картин, суровых и отчетливых, а десница Прошлого тяжелыми перстами сжала его сердце. Это был психологический момент. Мэйлмют Кид совсем уже был готов пойти со своей последней карты и выиграть игру; но урок пока еще был бы слишком слаб, и он решил переждать. Минуту спустя они пожали друг другу руки, и украшенные бусами мокасины короля, скрипя вниз по холму, вызывали громкие протесты словно оскорбленного снега.

Медилайн в своем оцепенении мало походила на то шаловливое существо, чей смех за час перед тем был так заразителен и чей живой румянец и блестящий взгляд на время заставили ее учителей позабыть обо всем. Слабая и бессильная, сидела она в кресле, в том же положении, в каком усадили ее Принс и Харрингтон. Мэйлмют Кид сердился. Так никогда ничего не выйдет. Когда придет момент свидания с супругом, она должна повести дело уверенно. Было совершенно необходимо, чтобы она проделала все на манер белых женщин, иначе победа окажется вовсе не победой. Поэтому он говорил с нею сурово, не смягчал выражений и посвящал

ее в слабости своего пола, пока она не поняла, что мужчины в сущности – простофили, а слово женщины для них – закон.

За несколько дней перед праздником Мэйлмют Кид вторично посетил мистрис Эпингуэлл. Она быстро произвела смотр своим дамским тряпкам, нанесла продолжительный визит товарному отделению Компании и вернулась вместе с Мэйлмютом Кидом, чтобы познакомиться с Медилайн.

Затем наступил период, какого барак еще никогда не переживал. Во время кройки, примерки, приметывания, шитья и бесчисленных других удивительных и неведомых операций мужчины-заговорщики почти всегда выгонялись вон. В такие дни бар раскрывал перед ними свои двойные, укрепленные против ветра двери. Все трое так часто наклонялись друг к другу и пили так много странных тостов, что зеваки уже учуяли запах неведомых россыпей, скрывающих неисчислимые богатства. И всем было известно, что несколько че-чаквас'ов и по крайней мере один старожил держали свое снаряжение наготове, позади стойки бара, готовые бежать по их следам в любой момент.

Мистрис Эпингуэлл была способной женщиной. Поэтому, когда она вернула Медилайн ее воспитателям в самый день праздника, та оказалась настолько изменившейся, что они даже испугались. Принс накинул на нее одеяло с Гудзонова залива, отдав комический реверанс, – впрочем, скорее настоящий, чем притворный; а Мэйлмют Кид, ведя ее под руку, почувствовал, как тяжело ему будет играть свою привыч-

ную роль ментора. Харрингтон, у которого список покупок все еще не выходил из головы, тащился в арьергарде и ни разу в течение всей дороги до города не открывал рта. Когда они подошли к заднему входу бара, они сняли с плеч Медилэйн одеяло и расстелили его на снегу. Выбравшись из мокасина Принса, она прошла по одеялу в новых шелковых туфельках. Маскарад был во всем разгаре. Она колебалась, но они толкнули дверь и ввели ее внутрь. Затем сами обожали кругом, чтобы войти через главный вход.

III

— Где Фреда? — спрашивали старожилы, в то время как чача-квас'ы столь же энергично вопрошали, кто такая Фреда. Имя ее, точно жужжание, наполняло бальный зал. Оно было у всех на устах. Седеющие «парни из кислого теста» (поденные работники на приисках, гордые своим званием) либо смотрели покровительственно на щеголеватых неженков и красноречиво лгали — ведь эти «парни из кислого теста» специально созданы для того, чтобы играть в мяч с истиной, — либо бросали на них дикие взгляды, полные возмущения по поводу их невежества. Около сорока королей с верховьев и низовьев состязались между собой; каждый считал, что находится на верном пути, и подкреплял свою догадку желтым песком своего королевства. Пришлось дать помощника весовщику, на котором лежала тяжелая обязанность взвешивать

вать мешки, в то время как несколько игроков, державших в руках законы Фортуны, записывали ставки и определяли фаворитов.

Которая же была Фреда? Раз за разом казалось, что греческая танцовщица обнаружена, но каждое открытие вносило панику в круг игроков и приводило к бешеной регистрации все новых и новых ставок со стороны тех, кто хотел себя обеспечить. Мэйлмют Кид заинтересовался состязанием, тем более что его приход был встречен бурными возгласами кутил, знавших его за настоящего парня. Кид хорошо разбирался в походке и умел узнавать голоса; его выбор пал на чудесное создание, искрившееся в костюме «Северного сияния». Но гречанка была слишком хитра даже для его прозорливости. Большинство охотников за золотом, по-видимому, высказывалось за «Русскую боярышню», которая была самой грациозной во всем зале, а потому не могла быть никем иным, кроме Фреды Молуф.

Во время кадрили разразилась буря восторга. Наконец-то ее открыли! На прежних балах, во время *grand-rond*², Фреда исполняла неподражаемое па, с ей одной доступной вариацией. Когда объявили эту фигуру, «Русская боярышня» выполнила это единственное в своем роде ритмическое движение. Целый хор возгласов («я же вам говорил!») потряс могучие стропила крыши... как вдруг заметили, что «Северное сияние» и еще одна маска, под названием «Дух Полюса», ис-

---

² Хоровод, круг.

полнили па так же хорошо. А когда два близнеца – «Собаки солнца» и «Королева мороза» – сделали то же, весовщику дали еще одного помощника.

Беттлз ворвался прямо со снежной тропы в самый разгар возбуждения и налетел на них, как зимний ураган. Его оттаявшие брови превратились в водопады; его обледенелые усы, казалось, были унизаны бриллиантами и отражали свет радужными лучами; а пляшущие ноги скользили по льдинкам, приставшим к его мокасинам и немецким носкам. Северный танец – нечто совершенно непринужденное, ибо люди со снежных троп и приисков потеряли всякую разборчивость, если она когда-либо у них была. Только в высшем чиновничьем кругу условности еще сколько-нибудь соблюдались. Здесь же кастовые различия потеряли всякое значение. Миллионеры и нищие, погонщики собак и полисмены брались за руку с «дамами из центра» и кружились в хороводе, выкидывая самые замечательные коленца. Примитивные в своих удовольствиях, буйные и неотесанные, они проявляли не грубость, а скорее неуклюжее рыцарство, столь же подлинное, как и самая утонченная вежливость, и неловко ухаживали за своими дамами. В поисках греческой танцовщицы Кол Галбрет устроил так, чтобы попасть в одну группу с «Русской боярышней», на которую пало всеобщее подозрение. Но после того как он протанцевал с ней один круг, он готов был побиться об заклад на все свои миллионы не только о том, что она не Фреда, но и о том, что рука его когда-то

уже лежала на ее талии. Где и когда – этого он сказать не мог. Но интригующее чувство чего-то знакомого так его мучило, что он обратил все свои старания на выяснение ее личности. Мэйлмют Кид, по его мнению, сделал бы лучше, если бы ему в этом помог, вместо того чтобы пригласить «Боярышню» на несколько туров и говорить ей что-то серьезное заглушённым голосом. Но усерднее всех ухаживал за «Русской боярышней» Джек Харрингтон. Один раз он отвел Кола Галбрета в сторону, принялся строить самые дикие догадки относительно того, кто она такая, и утверждал, что он выигрывает. Это раззадорило короля Сёркла, ибо мужчина по природе своей – не одноженец, и он позабыл сразу о Медилайн и о Фреде для новых поисков.

Вскоре распространилась весть, что «Русская боярышняя» – не Фреда Молуф. Интерес возрастал. Дело становилось загадочным. Они знали Фреду, хоть и не могли ее найти. Здесь же было нечто, что они нашли, но чего не знали. Даже женщины не могли ее распознать, а они знали каждую хорошую танцовку в городе. Многие принимали ее за даму из чиновничьего круга, решившуюся на безумную эскападу³. Некоторые утверждали, что она исчезнет перед тем, как начнут снимать маски. Другие были в такой же мере уверены, что это репортерша канзасской газеты «Звезда», приехавшая описать их за девяносто долларов со столбца. А вековещики неустанно работали.

---

³ Эскапада – неразумный, рискованный поступок.

В час ночи все пары собрались в зале. Маски стали снимать среди взрывов веселья и смеха, точно в толпе беззаботных детей. Не было конца охам и ахам, когда поднималась маска за маской. «Северное сияние» оказалось коричневой негритянкой, доход которой от стирки белья достигал пяти-сот долларов в месяц. Близнецы «Собаки солнца» обнаружили усы на своих верхних губах и были опознаны: они оказались братьями – владельцами крупных приисков на Эльдorado. Медленнее других размаскировалась пара – Кол Галбрет и «Дух полюса». Напротив них стоял Джек Харрингтон с «Русской боярышней». Все уже сняли маски, а греческой танцовщицы все еще не было. Все взоры обратились на эту группу. Кол Галбрет в ответ на крики толпы поднял маску своей дамы. Прекрасное лицо и блестящие глаза Фреды засияли перед ними. Поднялась буря, но скоро утихла благодаря захватывающей таинственности «Русской боярышни». Ее лицо все еще было закрыто, и Джек Харрингтон боролся с ней. Танцоры от возбужденного ожидания хихикали и поднимались на цыпочки. Он резко дернул ее за изящную маску, и тогда... тогда раздался взрыв негодования со стороны веселящихся. Над ними подшутили. Они протанцевали весь вечер с туземкой, на которой лежало табу⁴.

Но те, кто ее знал (а их было немало), быстро положили этому конец, и в зале воцарилось молчание. Кол Галбрет подошел к Медилайн большими шагами и сердито заговорил

---

⁴ *Табу* – запрет, запрещение известных действий.

с ней на чинукском жаргоне. Но она сохранила свое спокойствие, по-видимому, позабыв о том, что явилась мишенью всех взглядов, и отвечала ему по-английски. Она не выказывала ни страха, ни гнева, и Мэйлмют Кид трясся от удовольствия при виде ее светской уравновешенности. Король чувствовал, что он зло высмеян, разбит наголову; его вульгарная сивашская жена переросла его.

– Пойдем, – наконец сказал он. – Пойдем домой!

– Извини, – отвечала она, – но я обещала поужинать вместе с мистером Харрингтоном. А кроме того, ведь и танцы еще не кончились.

Харрингтон предложил ей руку, чтобы увести ее. Она выказывала явное намерение повернуть супругу спину, а в это время Мэйлмют Кид придвинулся ближе. Король Сёркла был огорошен. Дважды его рука протянулась к поясу, и дважды Кид наклонялся, готовясь к прыжку. Но уходящая пара безопасно добралась до двери в столовую, где устрицы продавались по пяти долларов за порцию. Толпа вздохнула, разбилась на пары и последовала за ними. Фреда надулась и вошла в столовую вместе с Колом Галбретом. Но у нее было доброе сердце и хорошо подвешенный язык, и она стала раскрывать для него устрицы. Что она говорила – это неважно. Но его лицо попеременно то бледнело, то краснело, и он несколько раз свирепо выругал самого себя.

В столовой поднялся настоящий содом от криков и шума, но сразу прекратился, когда Кол Галбрет подошел к столу

своей жены. С момента, когда маски были сброшены, многие держали пари на кругленькие суммы, чем все это кончится. Все наблюдали с интересом, затаив дыхание. Голубые глаза Харрингтона были спокойны, но под свисавшей скатертью на коленях у него покоился смит-вессон. Медилайн подняла глаза случайно, без всякого любопытства.

– Могу я... могу я просить вас на следующий танец? – пролепетал король.

Жена короля бросила взгляд на свое карнэ⁵ и кивнула головой.

---

⁵ Маленькая записная книжка. Для буржуазных балов иногда изготавливаются специальные карнэ с расписанием танцев. В таком карнэ дамы делают отметки об их приглашении на тот или иной танец.